

Criminal liability of legal entities: questions of implementation of the international standards and introduction of financial sanctions for corruption crimes in the domestic criminal legislation

Abstract: Importance of the research is determined by diversity and variability of corruption that is quite a threat to all the countries however high their social and economic development is. Corruption nowadays is of transnational nature that defines necessity for coordinated application of international and national legal means of corruption fighting. Constitution of the Russian Federation allows direct application of international law regulations by public authorities and also allows plead to these laws by interested natural and legal persons in terms of conflict resolution. Question of corporate criminal responsibility introduction into Russian Criminal Legislation evolved since 1990, however current Criminal Code of the Russian Federation exclude the possibility of criminal responsibility of entities. International anti-corruption Conventional regulations analysis proves necessary implementation of criminal responsibility of entities into Russian criminal legislation. The authors consider reasonable to recognize legal entities as subject of Russian Criminal law. The achieved results may be applied in Russian Criminal Law improvement work considering current theoretical achievements and law enforcement practice.

Key words: state; international precepts of law; implementation; criminal law; systematization; criminal liability; legal entity; mans rea; subject of a crime.

В современной юридической науке справедливо отмечается, что международным и национальным опытом доказана невозможность противостояния коррупции путем осуществления отдельных, разрозненных, фрагментарных мероприятий. Снизить ее уровень можно, лишь реализуя целостную систему последовательных мер в рамках ключевых направлений борьбы с коррупцией [12, с. 16–17].

Коррупция, будучи сложным социальным явлением, обладает повышенным «иммунитетом» к традиционным методам противодействия ей [11].

Необходимо учесть, что для России значение индекса восприятия коррупции в 2013 г. составило 2,8 балла, и страна заняла 133-е место из 176

♦ **Makarov Andrey V.** - Doctor of Law, Professor, Dean of Law Department, Zabaykalskiy State University, Chita, Russian Federation. E-mail: Jus-chita@yandex.ru.

♦ **Zhukova Aleksandra S.** - Master of Jurisprudence, Senior Teacher of Department Criminal Law and Criminal Trial Zabaykalskiy State University, Chita, Russian Federation. E-mail: aleksa091987@yandex.ru.

возможных (в 2012 г. — 143-е место, значение индекса — 2,4 балла).

Также в последние годы отмечается потребность в обеспечении общественного спроса на обжалование коррупционных действий (бездействия) должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. Так, если в 2012 г. лишь 7 % граждан изъявляли желание обжаловать коррупционное поведение служащих различных категорий, то в 2013 г. готовность сообщать о фактах коррупции выразили 52 % граждан [3].

Зарубежные авторы также отмечают, что коррупция приобретает многонациональный и устойчивый характер преступного «поведения». Так, Р. Нильсен указывает, что ключевой особенностью коррупции государств является то, что она представлена относительно стабильными связями, а не исключительным, независимым следствием отдельных событий [19]. М. Эллиот и Д. Эллиот убеждены, что взятки, откаты блокируют экономический рост в развивающихся странах, фокусируясь на новых «атаках», что приводит к расширению масштабов коррупции в государствах [16]. П. Мауро обращает внимание на важность субъективных показателей коррупции, эффективность судебной системы и различных показателей политической стабильности стран [18].

Многообразие и изменчивость коррупционных проявлений, представляющих угрозу для всех государств вне зависимости от уровня их социально-экономического развития, а также транснациональный характер проблемы коррупции обуславливают необходимость согласованного применения международных и национальных правовых средств борьбы с ней. В этом контексте можно отметить, что «на международном уровне государства оказывают правовую помощь друг другу в преследовании преступников часто только по уголовным делам, а неправомерная деятельность корпораций будет все более носить транснациональный характер» [20].

П. Кархунен, С. Ледяева рассматривают коррупцию как «многогранное явление», имеющее различные виды и формы. Авторы считают подкуп государственных должностных лиц ради личной выгоды в международном бизнесе наиболее распространенной формой коррупции [17].

Изложенное подтверждает необходимость рассмотрения вопросов имплементации международных антикоррупционных норм в российское законодательство и важность введения коллективной уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

Законодательным достижением России сегодня следует назвать Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Но, как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, четкого определения коррупции в нем нет, а представлен перечень преступных

коррупционных деяний. Подход, заключающийся в перечислении коррупционных преступлений, характерен и для Конвенции ООН против коррупции, в ст. 15–25 которой закреплены признаки коррупционных преступлений.

В действующем УК РФ преступления, имеющие коррупционный характер, рассредоточены по разным главам, а термины «коррупция», «коррупционные связи», «коррупционные акты», «коррупционное поведение» вообще отсутствуют.

В трактовку понятия «противодействие коррупции» законодатель вложил деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Анализ работы государственных и общественных институтов по исполнению Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» показал, что необходимо принять Национальную стратегию противодействия коррупции, представляющую собой постоянно совершенствуемую систему мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, учитывающую федеративное устройство Российской Федерации, охватывающую федеральный, региональный и муниципальный уровни, направленную на устранение коренных причин коррупции в обществе и последовательно реализуемую федеральными органами государственной власти, иными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, организациями и физическими лицами. Руководителями федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов с учетом положений Национальной стратегии противодействия коррупции, Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 годы внесены дополнения в планы по противодействию коррупции соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, а также организован контроль за выполнением мероприятий, предусмотренных планами. Например, издан приказ Следственного комитета России от 29 июля 2014 г. № 63 «Об утверждении Комплексного плана мероприятий по противодействию

коррупции в системе Следственного комитета Российской Федерации на 2014-2015 годы».

В этом контексте следует процитировать Л.В. Иногамову-Хегай: «Захлестнувшая страну коррупция потребовала особого внимания к защите государства, общества и граждан от этого злостного преступления, о чем свидетельствует ряд принятых федеральных законов» [4].

Достижения законодателя совершенно очевидны, и нельзя сказать, что отсутствуют меры противодействия этому «злу», но меры предупреждения коррупционных проявлений постепенно утрачивают эффективность ввиду того, что субъекты коррупции «инициируют» коррупционные схемы в зависимости от динамично развивающихся экономических правоотношений в государстве.

Отметим, что место, которое отводится международным договорам (включая антикоррупционные конвенции) в национальной правовой системе, является фактором, могущим способствовать реализации международных договорных обязательств, в том числе вытекающих из таких конвенций, либо осложнять ее.

Если международные договоры включаются в национальную правовую систему в качестве составной ее части, возникает необходимость определить положение, которое они занимают в этой системе. Иерархическая система источников внутригосударственного права располагает эти источники в зависимости от юридической силы акта в соответствии с установленным конституцией распределением компетенции между органами государственной власти. Положение международных договоров в этой иерархии обычно зависит от уровня, на котором приняты решения о согласии на их обязательность для государства, т.е. либо статус международного договора соответствует статусу внутригосударственного правового акта, посредством которого договор инкорпорируется во внутригосударственное право, либо международному договору придается приоритет в применении перед актами, равными по юридической силе с актом, посредством которого договор инкорпорирован во внутригосударственное право, и всеми нижестоящими актами.

Конституция Российской Федерации допускает прямое применение органами публичной власти норм международного права во внутригосударственных отношениях, а также возможность для заинтересованных физических и юридических лиц ссылаться на эти нормы при разрешении споров. При этом важно, что не все положения международных договоров являются конкретными по отношению к субъектам национального права. И часть положений международных антикоррупционных конвенций относится к несамоисполнимым. Согласно п. 3 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», для осуществления таких положений

принимаются соответствующие правовые акты. В Российской Федерации в целях выполнения международных обязательств, принятых в связи с ратификацией антикоррупционных конвенций, потребовалось внесение изменений в ряд действующих и принятие новых нормативных правовых актов. При этом в качестве основы принимается во внимание концепция, согласно которой в России под правовое понятие коррупции подпадают как преступления коррупционной направленности, так и иные правонарушения.

Статья 26 Конвенции против коррупции предусматривает введение института уголовной ответственности юридических лиц. В ней, в частности, говорится, что «каждое Государство - участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией... Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления» [6].

В Российской Федерации имплементация этой нормы Конвенции вступает в противоречие с действующими требованиями национального законодательства и традиционной уголовно-правовой доктриной виновной ответственности [9]. Это позволяет объяснить позицию законодателя, ограничившегося введением административной ответственности юридических лиц за коррупцию (ст. 19.28 КоАП РФ).

Введение административной ответственности юридических лиц соответствует уголовно-правовой доктрине, обеспечивает бóльшую оперативность привлечения к ответственности, позволяет дифференцировать правонарушения в зависимости от степени их опасности со значительной вариативностью размеров административных наказаний.

Споры о целесообразности введения в отечественное уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц ведутся еще с начала 90-х гг. Этот институт предусматривался предварительными проектами УК РФ, на основе которых был подготовлен действующий УК РФ. Однако законодательно вопрос не решен до сих пор.

По данному вопросу в научной литературе высказываются мнения о наличии серьезных предпосылок для введения уголовной ответственности юридических лиц. С.С. Арбузов, С.П. Кубанцев утверждают, что введение уголовной ответственности юридических лиц существенно облегчит «борьбу» с предпринимателями-конкурентами в целях освобождения «места под солнцем» только угодным (платящим дань) предпринимателям [2].

Справедливости ради следует упомянуть, что такое понимание коррупции как преступления, совершенного юридическим лицом, было приемлемо и

воспринимается в отдельные периоды развития российского государства. Например, по инициативе Министерства юстиции России в 1916 г. прорабатывался вопрос о криминализации подкупа лиц, состоящих на общественной службе. Уже в скором времени в соответствии с постановлением Совета Министров от 10 мая 1916 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было дополнено ст. 505-1, которая устанавливала наказания, определяемые за совершение коррупционных преступлений государственными служащими, для лиц, входящих в состав частных и общественных организаций.

В настоящее время имеется необходимость введения в российское уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц, что, полагаем, приведет к устранению сложностей в правоприменительной практике.

Следует отметить высказывание руководителя Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, касающееся преступлений коррупционной направленности: «В настоящее время Россия взяла курс на модернизацию, которая невозможна без упорядочения существующих экономических отношений, особенно в сфере привлечения и размещения частного капитала. На фоне этого особую озабоченность в последние годы вызывает стремительный рост преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Преступность юридических лиц способствует повышению степени криминогенности общества в целом, в частности порождает или создает условия для развития таких опасных социальных явлений, как коррупция (особый ее вид - корпоративная коррупция)» [14].

Важнейшей проблемой в аспекте уголовной ответственности юридических лиц было и остается признание юридического лица субъектом уголовного права. Данная категория является одним из четырех обязательных элементов преступления (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона), поскольку уголовно-правовое воздействие на лицо, виновное в совершении преступления, допустимо лишь при наличии всех элементов. Данное требование выступает в том числе и гарантией от объективного вменения, т.е. применения уголовно-правовой репрессии при наличии трех и менее элементов преступления в деянии лица, пусть даже и юридического, но привлекаемого к уголовной ответственности.

Категория «субъект преступления» порождает ряд вопросов, значимых для применения уголовно-правового воздействия: кто и на основании каких исследований будет определять вменяемость юридического лица, привлекаемого к уголовной ответственности; с какого возраста наступает уголовная ответственность в отношении юридических лиц; каким образом

будет решаться вопрос о покушении на совершение преступления со стороны юридического лица [2].

Как известно, обязательное условие уголовной ответственности по законодательству России - вина, понимаемая как психическое отношение лица к содеянному. К юридическому лицу, согласно традиционной уголовно-правовой доктрине, понятие вины неприменимо, поэтому в тех странах, где закон допускает уголовную ответственность юридического лица, принято считать, что его вина воплощается в виновном поведении его руководителей или представителей.

Вопрос вины в коллективной уголовной ответственности является дискуссионным. Противники коллективной уголовной ответственности полагают, что преступление невозможно без совокупности интеллектуального и волевого элементов человеческой психики. Вина выражается в совокупности определенных психических процессов, происходящих в центральной нервной системе человека. В этом, с их точки зрения, и заключается главное противоречие идеи признания за юридическим лицом статуса субъекта преступления, способного виновно совершить общественно опасное противоправное деяние [1, с. 216].

В этом контексте следует выделить позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении КС РФ от 27 апреля 2001 г.: «Наличие вины - общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо или недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно». Также Конституционный Суд выражает следующую позицию в отношении состава правонарушения: «Необходимым основанием правонарушения является наличие состава правонарушения. При этом признаки должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требования справедливости. То есть, исходя из общего понятия состава правонарушения, к основаниям ответственности относится вина, если в самом законе прямо и недвусмысленно не установлено иное».

Эти положения подтверждают, что вина - обязательный признак при привлечении к ответственности, будь то физическое или юридическое лицо.

Как отмечает Е.Ю. Антонова, в англосаксонской системе права при привлечении корпораций к уголовной ответственности активно используется институт абсолютной (строгой) ответственности, когда установление вины является необязательным условием таковой [1, с. 57].

Например, строгая ответственность допускается в отношении корпораций по Закону об уголовном праве Израиля: «Лицо будет нести уголовную

ответственность за преступление, если в законодательном акте указано, что такое преступление не требует доказывания преступного замысла либо небрежности» (ст. 22). То есть коллективная уголовная ответственность по законодательству Израиля требует установления вины, которая либо вытекает из умысла или неосторожности лиц, осуществляющих управленческие функции (по российскому УК РФ - должностные лица), либо возлагается на корпорацию (по российскому ГК РФ - юридическое лицо).

Соответственно, в России юридическое лицо можно воспринимать как «носителя» виновности, которая выражается в действиях должностных лиц, осуществляющих управленческие функции по отношению к уставным либо предусмотренным законом целям юридического лица. Поэтому для введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо не только «сломить» устоявшиеся стереотипы, но и усовершенствовать концепцию уголовного законодательства, в связи с чем нуждается в решении вопрос об определении физических лиц, обладающих управленческими и административными функциями, действия которых будут обуславливать причастность юридического лица к коррупционному преступлению.

В частности, принцип вины реализуется в УК РФ по всем составам преступлений вне зависимости от направленности - против личности либо коррупционной. Также заметим, что ряд ученых возражают против определения вины как психического отношения лица к совершенному преступлению, поскольку вина «состоит, прежде всего, в пренебрежении теми ценностями, которые охраняются правовыми нормами» [1]. При таком понимании вины юридическое лицо возможно представлять как субъекта преступления.

Похожую позицию высказал А. Бастрыкин: «В отличие от неконтролируемой толпы деятельность людей, объединенных в организации, носит упорядоченный системный характер, потому и воля юридического лица, как правило, имеет четкую и однозначную форму выражения» [15].

Отметим, что именно по пути субъективного определения понятия вины развивается российское законодательство смежных с уголовным правом отраслей права.

Так, налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц.

Ответственность за совершение налоговых правонарушений несут организации и физические лица в случаях, предусмотренных гл. 16 и 18 НК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ, «вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо

ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения». Пункт 2 ст. 2.1 КоАП РФ содержит положение о том, что юридические лица подлежат административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. При слиянии нескольких юридических лиц к административной ответственности за совершение административного правонарушения привлекается вновь возникшее юридическое лицо.

Статья 2.2 КоАП РФ предусматривает две формы вины: умысел и неосторожность.

Статья 306.1 БК РФ устанавливает: «Бюджетным нарушением признается совершенное в нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, действие (бездействие) финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета, за совершение которого предусмотрено применение бюджетных мер принуждения».

Е.Ю. Антонова в подтверждение психологической концепции вины юридического лица приводит положения ст. 53 ГК РФ: «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами... Лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно» [1, с. 225].

Здесь же можно отметить положения ст. 56 ГК РФ, где сказано, что юридические лица, кроме учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом.

Также Е.Ю. Антонова предложила совершенно «очевидные» меры совершенствования УК РФ путем введения коллективной уголовной ответственности юридических лиц, в частности за коррупционные составы: «Представляется целесообразным установить уголовную ответственность за совершение преступлений: против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ч. 1 ст. 204 УК РФ); государственной власти, интересов

государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285.1, 285.2, 291 УК РФ); в сфере экономической деятельности (ст. 171, 171.1, 172, 174, 174.1, 176, 177, 178, 180, 181, 183, 184, 185, 185.1, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 194, 199, 199.1, 199.2 УК РФ)» [1, с. 294].

Представляется, что применение мер уголовно-правового характера к юридическому лицу становится возможным при условии признания его субъектом уголовного права. Сегодня предпринимается попытка обойти этот значимый для уголовного права момент за счет применения к юридическому лицу не уголовного наказания, а мер уголовно-правового характера, которые формально к уголовным наказаниям не относятся, но являются, по сути, мерами уголовного принуждения со стороны государства (уголовной или финансовой санкцией).

Однако такой подход не избавляет от пересечения с уголовным наказанием. Например, один из видов уголовно-правовой меры, которую законодателем предложено применять к юридическим лицам, - штраф. Он же предусмотрен в ст. 46 УК РФ в качестве одного из видов уголовного наказания, применяемого как в качестве основного, так и в качестве дополнительного.

По мнению С.И. Карибова, в качестве основного вида наказания для юридических лиц следует применять ликвидацию, в качестве дополнительного - публичное уведомление о преступном характере деяния, а в качестве как основных, так и дополнительных видов наказания - возмещение материального ущерба, штраф, запрещение осуществлять определенные виды деятельности либо осуществлять деятельность на определенной территории, конфискацию, помещение под судебный надзор, запрещение деятельности одного или нескольких обособленных подразделений [5].

30 мая 2014 г. глава СК РФ А. Бастрыкин на встрече с депутатами Госдумы - членами Общероссийского народного фронта заявил, что коррупция в России прогрессирует и приобретает все более извращенные формы. В ходе заседания председатель СК РФ высказал предложение в целях повышения эффективности борьбы с коррупцией вернуться к вопросу о возвращении в российское уголовное законодательство института конфискации имущества как меры наказания [13].

Отметим, что УК РФ предусматривал в качестве вида наказания конфискацию имущества, предполагающую безвозмездное изъятие всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного, которая была исключена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

По мнению В.М. Лебедева, такое решение было принято законодателем в соответствии с положениями ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.,

провозглашающими право любого человека иметь собственность, которой он может быть лишен только по судебному решению при установлении обстоятельств, свидетельствующих, что это имущество нажито преступным путем. В настоящее время положение, соответствующее Протоколу № 1 к Европейской конвенции, содержится в ст. 81 УПК РФ, согласно которой имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем, должны признаваться вещественными доказательствами и подлежат возвращению законному владельцу либо обращению в доход государства в порядке, установленном Правительством РФ [8].

Статья 54 Конвенции ООН против коррупции регламентирует механизм изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации, а именно: «Каждое Государство-участник в целях предоставления взаимной правовой помощи согласно статье 55 настоящей Конвенции в отношении имущества, приобретенного в результате совершения какого-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, или использованного при совершении таких преступлений, в соответствии со своим внутренним законодательством: принимает такие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы позволить своим компетентным органам приводить в исполнение постановления о конфискации, вынесенные судами другого Государства-участника» [6].

Статья 55 указанной Конвенции закрепляет положение о том, что государство-участник, получившее от другого государства-участника, под юрисдикцию которого подпадает какое-либо преступление, признанное таковым в соответствии с Конвенцией, просьбу о конфискации доходов от преступлений, имущества, оборудования или других средств совершения преступлений, находящихся на его территории, в максимальной степени, возможной в рамках его внутренней правовой системы, направляет эту просьбу своим компетентным органам с целью получения постановления о конфискации и, в случае вынесения такого постановления, приводит его в исполнение [6]. Часть 4 ст. 26 закрепляет: «Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или не уголовных санкций, включая денежные санкции» [6].

Статья 8 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности содержит следующее положение: «Стороны в максимально возможной степени оказывают друг другу, по запросу, помощь в определении и обнаружении орудий, доходов и другого

имущества, подлежащего конфискации. Эта помощь включает меры по предоставлению и поиску информации, касающейся существования, местонахождения или движения, характера, юридического статуса и стоимости упомянутого выше имущества» [7].

Также, действуя по просьбе, направленной другим государством-участником в соответствии со ст. 13 Конвенции против транснациональной организованной преступности, предусматривающей международное сотрудничество в целях конфискации, государства-участники в той мере, в какой это допускается внутренним законодательством, и, в случае получения со-ответствующего запроса, в первоочередном порядке рассматривают вопрос о возвращении конфискованных доходов от преступлений или имущества запрашивающему государству-участнику, с тем чтобы оно могло предоставить компенсацию потерпевшим от преступления или возратить такие доходы от преступлений или имущество их законным собственникам (ст. 14).

Полагаем, вышеизложенное полностью подтверждает обязательства Российской Федерации по конфискации имущества как инструмента в международном противодействии преступности, и сегодня международное сотрудничество в реализации правоохранительной деятельности государств играет решающую роль в борьбе с преступностью. В этом контексте речь идет о ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: «Государства-участники принимают, в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем, такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации».

Важно заметить, что положения международных норм полностью дают возможность отнести к числу субъектов коррупционных преступлений юридических лиц (коллективы, корпорации и др.). Тем более, ст. 5 Конвенции против коррупции «Криминализация участия» (ч. 2) предусматривает следующее положение: «Осознание, намерение, умысел, цель или сговор могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела». Соответственно, все вышеуказанные обстоятельства являются признаками субъективной стороны любого коррупционного преступления, так как субъективная сторона коррупционного преступления выражается в виновном, противоправном предоставлении материальных (иных) преимуществ лицам, выполняющим государственные (административно-управленческие) функции.

На самом деле глава, в которой регламентированы вопросы конфискации имущества, включена в разд. VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» (ст. 104.1–104.3), а не в раздел об уголовном наказании. То есть введение рассматриваемого института не означает возвращения в УК отмененной конфискации имущества в ее прежнем значении как вида

наказания. Думаем, правовая природа этого института определяется его местом в системе мер уголовно-правового воздействия и в структуре уголовного закона. Законодательная норма характеризует новый по своей форме и уголовно-правовому содержанию институт уголовного права в уголовных правоотношениях.

Конфискация как иная мера назначается в целях предупреждения использования имущества, а не за совершение преступлений. Соответственно, мера реализует профилактический подход. Таким образом, современная правовая природа и помещение конфискации в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» не соответствуют тому содержанию иных мер уголовно-правового характера, которое вкладывал в них законодатель в момент его принятия и которое вкладывает в них принцип справедливости, сформулированный в ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

В целом, даже с учетом современного подхода законодателя, возможно применение конфискации имущества как меры правового характера к коррупционному «поведению» юридических лиц без изменения субъективного подхода уголовно-правовой доктрины. Кроме того, мировая практика, антикоррупционные международные нормы позволяют совершенствовать УК РФ в строгом соответствии с принципом виновной уголовной ответственности юридического лица (организации) за совершение преступлений физическими лицами в его интересах.

Считаем, что единственным решением проблемы введения уголовной ответственности юридических лиц на территории России должна стать системная работа по совершенствованию российского уголовного закона с учетом имеющихся теоретических разработок и правоприменительной практики. Первым шагом на пути совершенствования целесообразно признать юридическое лицо субъектом уголовного права.

На современном этапе развития науки, правоприменительной практики и теоретических разработок признание юридического лица субъектом уголовного права России не проблема, а задача, требующая решения и определенных действий со стороны законодателей. Соответственно, необходимо наделить правоохранительные органы полномочиями по привлечению юридических лиц к уголовной ответственности при условии строгого соблюдения гарантий прав человека в международном сотрудничестве государств, укрепляя режим законности.

Bibliography

1. Antonova E.Yu. Kontseptual'nye osnovy korporativnoi (kollektivnoi) ugolovnoi otvetstvennosti [Conceptual framework of corporate criminal responsibility]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2011.
2. Arbuzov S.S., Kubantsev S.P. On prospects of criminal responsibility of entities introduction. Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law journal, 2012, no. 10, pp. 99–106. (In Russian).
3. Report on civil society in the Russian Federation (2012). Moscow, Civic Chamber of the Russian Federation Publ., 2013. (In Russian)
4. Inogamova-Khegai L.V. Violation of position obligations by state civil officers as grounds for legal responsibility. Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and social relations, 2010, no. 4, pp. 78–81. (In Russian).
5. Karibov S.I. Ugolovnaya otvetstvennost' legal'nykh organizatsii: ponyatie i sodержanie. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal responsibility of legal organizations: definition and content. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2006. 27 p.
6. UN Convention against Corruption dated 31 October 2003, ratified by Federal Law № 40-FZ dated 08 March 2006. Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov = International agreements Bulletin, 2006, no. 10, pp. 7–54. (In Russian).
7. ETS Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime № 141. Strassburg, 08 November 1990, ratified by Federal Law № 62-FZ dated 28 May 2001. Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov = International agreements Bulletin, 2003, no. 3, pp. 4–46. (In Russian).
8. Lebedev V.M. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurait Publ., 2012.
9. Makarov A.V., Zhukova A.S. Certain legislation aspects of property confiscation as other criminal legal measure aimed at correction of lucrative motives for crimes. Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator, 2013, no. 5, pp. 17–20. (In Russian).
10. Federal Law № 273-FZ on corruption counteraction dated 25.12.2008 (as amended). Parlamentskaya gazeta = Parliament gazette, 2008, no. 90. (In Russian).
11. Repetskaya A.L. Modern characteristics and trends of russian corruption-related crimes and basic directions of struggle against it. Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Academy of Economics, 2011, no. 3 (77), pp. 126–130. (In Russian).
12. Surkov K.V. Kurs obshchego antikorrupsionnogo prava [Course of general anti-corruption law]. Chita, Transbaikal State University Publ., 2013. Pt. 1.

13. Available at: <http://pasmi.ru/archive/106931>.
14. Available at: <http://sledcom.ru/blog/detail.php?ID=46194>.
15. Available at: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php>.
16. Elliott M., Elliott D. Corruption. Newsweek, 1994, vol. 124, no. 20, pp. 40-42.
17. Karhunen P. Corruption distance, anti-corruption laws and international ownership strategies in Russia / P. Karhunen, S. Ledyeva // Journal of International Management. 2012. Vol. 18, № 2. P. 196-208.
18. Mauro P. Corruption and growth / P. Mauro // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110, № 3. P. 681-712.
19. Nielsen R.P. Corruption networks and implications for ethical corruption reform / R.P. Nielsen // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 42, № 2. P. 125-149.
20. Stessens G. Corporate criminal liability: a comparative perspective / G. Stessens // The International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43, № 13. P. 493-520.